

Геннадий Ангелов

Голый шантаж

Голый шантаж

*Герои рассказа
«Голый шантаж»
вымышлены, и все
совпадения с реальными
людьми, и событиями не
более чем случайные.*

20... годы

На проспекте Победы в Киеве в этот день было весьма многолюдно. Киностудия имени А. Довженко снимала сериал, и народ желающий получить место, хотя бы в массовке толпился возле входа. Весна в этом году считалась ранней, в марте воздух днём прогревался до плюс пятнадцати, и киевляне, не желали сидеть дома, перед телевизорами. Воздух пропитанный сочными ароматами цветов кружил по улицам столицы. На небе редкие облака подгоняемые ветром спешили к горизонту, солнечные лучи согревали столицу, после морозной зимы. Дышалось легко и свободно, и молоденькие девушки, в коротких модных

курточках, на высоких каблуках улыбались прохожим, одаривая их ослепительными улыбками. Весна! Весна! Весна! Эти слова вылетали из каждого сердца, и мир приобретал свойственные ему оттенки — добра и любви!

Известная актриса Наталия Северова приехала на съёмки раньше обычного. Это начало года было для неё по настоящему счастливым. Получая предложения от продюсеров в различных шоу и сериалах, она чувствовала себя на седьмом небе от счастья. Ещё бы, её давняя мечта стать известной актрисой чудесным образом воплотилась в жизнь. Наталия производила впечатление на мужчин. Она не была худощавой, и следила за своим внешним видом. Регулярно занималась в спортзале с тренером. Как ни как, но от этого зависела её успешная карьера. Мужчины на неё смотрели и провожали восхищёнными взглядами, и отмечали необычную, природную красоту. Маленькое, розовое светящееся личико, с огромными словно у куклы карими глазами. В них пряталась холодная зима и сказочное лето, и если мужчина оказывался в омуте этих глаз, тонул как мальчишка не умеющий плавать. Сложенные губки как будто были созданы для поцелуя. И если Наталия сердилась, то они ещё больше надувались, и становились похожими на бутончик розы, который вот-вот распустится, и одарит своего обладателя, не

только чудесной красотой, но и незабываемым ароматом. Свежая как майский день, с копной отливающих золотом волос, Наталия знала себе цену. Её кожа отливала белизной, как девственно чистый холст художника. Изгибы лебединой шеи и линии плеч, прекрасно сочетались с тренированным телом. Когда огонь горит в лампе, он согревает не только светом, но и теплом. Так и Наталия сияла от счастья, и окружающие её люди, как истинные почитатели женской красоты, с замиранием сердца наслаждались прекрасной Богиней Афиной, в образе актрисы Наталии Северовой. Веселая и жизнерадостная, Наталия всегда была душой компании, и не одно мужское сердце лежало разбитым у её очаровательных ножек. Будучи ещё совсем юной девочкой, Наталия, могла сутки напролёт стоять перед зеркалом и читать заученные тексты из известных книг фильмов. Ей доставляло это неопишуемое удовольствие. И закрывая глаза, она видела себя в свете ярких софитов, в огромном зале, на сцене. Всё рухнуло для неё словно карточный домик, в один день. Её родители странным образом разбились на машине. И она осталась одна, на воспитании бабушки. Авария случилась среди бела дня. Отец Наташи очень хорошо водил машину. И почему она на бешеной скорости сорвалась с моста в реку, никто не мог ответить. И не хотел. Опытные следователи

закрыли дело, и разводя руки в стороны, сняли с себя всю ответственность. Несчастный случай. Таков был вердикт. Наташе тогда исполнилось тринадцать лет, но несмотря на столь юный возраст, она догадалась, что в деле замешан близкий друг её отца. Партнёр по бизнесу Олег.

После трагедии фирма «Викинг», по производству мебели перешла к Олегу в руки. Отец Наташи начинал ещё в девяностые, с кооператива, и горбатился с утра до ночи. «Викинг» был его детищем, и буквально за несколько лет, превратился в крупную фабрику. После трагедии Олег появился несколько раз в доме Наташи, но после исчез, хотя обещал бабушке помогать и не бросать Наташу. Обещания остались пустым звуком. И Наташа хотела вырасти и наказать Олега. Но с годами боль притупилась и сейчас она всё реже, и реже вспоминала своё детство. Бабушка не могла полностью контролировать Наташу и она оказалась практически одна. В школе стали появляться плохие отметки, и часто без веской причины Наташа пропускала занятия, и связалась с дурной компанией. Сидя перед огромным зеркалом, в золочёной оправе, Наташа смотрела на своё отражение и красила губы. От воспоминаний у неё по спине пробежал холодок. И сердце стучало более гулко. Плохие предчувствия подкрались к ней словно огромные щупальца спрута. Пытаясь

прогнать наваждения, она себя утешала тем, что прошлое её никто и никогда не узнает. Время меняет людей, и она уже давно не Наташка по прозвищу «Промокашка», а Наталия Ивановна Северова. Драматическая актриса театра и кино.

— Натали Ивановна, ваш выход.

Голос Надежды Павловны, помощника режиссера, прозвучал как оружейный выстрел. Наталия вздрогнула и с трудом поднялась с кресла.

— Наташа, что с тобой? У тебя всё хорошо? Ты бледная... Простыла?

Надежда Павловна крупная женщина лет пятидесяти, в огромных очках, с толстой папкой в руках застыла у двери, и с материнской нежностью в усталых глазах смотрела на Наташу.

— Всё в порядке, — ответила Наталия, и подтягивая ремень на ярком, цветном платье, улыбнулась.

— Я готова.

— Текст выучила?

— Да. Не волнуйтесь Надежда Павловна. Я не подведу.

— Идём, Сергей Иванович не любит ждать.

Надежда Павловна пропустила Наталию вперёд, и сдула невидимую пылинку с её плеча.

— Настройся, и покажи на, что ты способна, — бубнила за спиной словно молитву сердобольный помощник режиссера.

Они шли по узкому, тёмному коридору в павильон, где уже во всю кипела работа. Наталия зажмурила глаза от яркого света ламп и сделала уверенный шаг в сторону своего партнёра по сериалу «Майская гроза» Ивану. Тот сидел на высоком стуле с бумажкой в руках, и часто шевелил губами, произнося короткие фразы, разрабатывал мимику лица. Команда телевизионщиков уже была готова к съёмкам, и оператор, ставил камеру, как можно ближе к актёрам. Сейчас должны были снимать финальную сцену тринадцатой серии. Главный герой Иван, должен был выяснять со своей женой, которую играла Наталия, не давний семейный конфликт. Женщина замерла возле кухонного стола и взяла чашку с кофе.

— Готовы?

Командный голос режиссера заставил всех замолчать. Наталия подняла голову и увидела сверху огромный микрофон, похожий на грушу. Сбоку от бойкой команды молодых и талантливых техников расположились человек десять массовки. Их держали для съёмок на улице, и люди с интересом наблюдали за съёмочным процессом. Наталия про себя повторила заученные фразы, и с присущим актерским волнением, ждала команды — мотор. И в самый последний момент ей стало не по себе. Снова появился страх. Липкий и холодный.

Но сейчас он приобретал реальные очертания, и Наталия с испугом в глазах смотрела на массовку. Среди толпы прятался человек и пристально смотрел на неё. Эти глаза... Она могла узнать их из миллиона. Мужчина чуть усмехался и кивал. У Наталии закружилась голова, и она едва успела поставить чашку с кофе. Схватив обеими руками стол её острые ногти пробили клеёнку и впились в дерево, словно зубы вампира. Перед глазами у неё поплыли цветные круги и она покачнулась. Оператор это заметил и рванул к ней, чтобы не дать упасть. Но он опоздал, и Наталия Ивановна Северова с грохотом рухнула на пол без сознания.

В карете скорой помощи было прохладно, и Надежда Павловна укрыла Наташу своей вязаной кофтой, чтобы та не замёрзла. Наташа лежала без сознания, и писк медицинских аппаратов как назойливая муха нарушал тишину. Седой врач лет пятидесяти поставил Наталии капельницу и подключил к подушке с кислородом. Надежда Павловна сидела рядом с Наташей, тяжело вздыхала и гладила девушку по руке с материнской нежностью. Машина с включенной сиреной неслась по городу с огромной скоростью.

— Не волнуйтесь, в который раз повторил седой врач. — Я вижу на вас лица нет. Может дать успокоительное?

Надежда Павловна отмахнулась и вытерла

смятым платком на щеке слезу.

— Ваша девочка беременна, только и всего. Хорошо, что вовремя спохватились. Сейчас доктор её осмотрит и сделает вывод.

Через полчаса Наталия уже была в кресле, и молодой врач вынес заключение. Наталия всё ещё плохо себя чувствовала, и то, что сказал ей врач, стало вторым ударом за этот день.

— У вас внематочная беременность. Нужна операция. Иначе...

Звонкий голос врача, симпатичного парня, с огромной родинкой на щеке, прозвучал как смертельный приговор. Наталия снова побледнела и пересохшими губами спросила: иначе что? Вы хотите сказать, я могу потерять ребёнка?

Слёзы брызнули из женских глаз ручьём. Она не могла, и не хотела сдерживать свои эмоции.

— Иначе, увы, последствия трудно предугадать. К сожалению, ребёнка сохранить не получится.

Доктор с прискорбным лицом развёл руки в сторону.

— Вы молоды, у вас всё впереди. Операция не сложная. Вас почистят и в ближайшее время выпишут.

Наталия не слышала врача. Находясь в глубокой прострации едва дышала. Она так хотела, чтобы у них с Максимом был ребёнок. Первая

беременность и аборт. Доктор дал ей понюхать нашатырь, и снова сказал: через час, наберитесь терпения.

Он хотел встать и уйти, но Наталия схватила его за рукав белого халата и не отпускала. В её мокрых от слёз глазах было столько горечи и боли, что доктор сам расчувствовался, и снова принялся ей объяснять о необходимости провести операцию.

— Вы понимаете, срок беременности очень мал, и даже если предположить, что вас положат на сохранение, шанс один на миллион. Уверяю вас. Отнеситесь как можно спокойнее, возьмите себя в руки.

— Какие «руки» доктор? Это мой ребенок, и вы его убьёте.

Она хотела вскочить и дать звонкую пощечину врачу. Но не смогла. Ноги отказывались её слушать. В это мгновение в ней проснулась прежняя Наташка «Промокашка», готовая на самый отчаянный поступок. Доктор заметил ненависть в глазах пациентки и словно рак попятился к двери.

— Успокойтесь, успокойтесь.

Он сжал ладони словно тибетский монах, и толкая ногой дверь, выскочил как ошпаренный в коридор.

Наталия усилием воли закрыла глаза и попыталась собраться с мыслями. Внутри у неё бушевал ураган. Она реально понимала, что

Максим ей этого никогда не простит. Знакомы они были несколько лет. И всего полгода назад как расписались. Наталия отказалась от свадьбы, не хотела афишировать это событие, и торжество прошло в узком семейном кругу на пятнадцать человек. Максим был мужчиной её мечты, высокий, темноволосый, широкоплечий, с обаятельной улыбкой — Джорджа Клуни. Занимался бизнесом, и несмотря на свой возраст, Максиму не стукнуло еще и двадцати пяти, был очень обеспеченным человеком. Дом в Конча — Заспа, прислуга, охрана, маленькая яхта в Крыму, дом в Форосе, делало его лакомым кусочком, для любой женщины. Их пламенные чувства вспыхнули с первой встречи. Максим баловал Наталию как хотел. Роскошные подарки, новенький спортивный «Порше» на свадьбу, драгоценности. Наталия чувствовала себя королевой, и многие подруги ей просто завидовали. Характер у Максима был взрывной, как атомный реактор. Если, что-то было не так как он хотел, мужчина сметал все живое на своём пути. Иногда Наталия проявляла малодушие, но боялась признаться в этом, даже самой себе.

Лёжа в пустой палате, она кусала губы в кровь, и нервничала. Ей не хотелось, чтобы Максим бросил её и ушёл к другой женщине. Права была её лучшая подруга Светка, когда говорила, чтобы Наташа не увлекалась спортом до фанатизма. Но

упрямый с детства характер девушки, брал своё. И она изматывала себя в спортзале до седьмого пота. Вот и результат.

«Не должен он меня бросить, не должен», — повторяла она словно заклинание. И сама не верила тому, что думала. На минуту забыв про Максима, она вспомнила павильон, массовку. Глаза. Они принадлежали Сашке Кургану, с которым она впервые в жизни узнала, что такое секс. Этот парень, был первым её мужчиной, когда Наталии не исполнилось семнадцати лет. Сашка был старше Наташи на десять лет, и слыл в округе самым настоящим — бандитом. Грабил магазины, воровал из машин — вещи, магнитофоны, аккумуляторы, после их на рынке перепродавал, одним словом оторви и выбрось. Вдвоём они занимались мошенничеством, и это именно он дал прозвище Наталии — «Промокашка». Наталия любила всё доводить до конца, была хитрой и настырной. Если нравилось какое-то дело, она изучала его с присущей почти каждой женщине щепетильностью, вникая в тонкости предстоящего ограбления до конца. Это нравилось Кургану, и он часто брал её в дело.

— Дура, дура, дура, — прошипела словно змея Наталия, и два раза ударила кулаком по креслу. — Идиотка, зачем ты тогда с ним связалась?

Прошло лет семь, и она знала, что Курган сидит в тюрьме, и не скоро оттуда выйдет. Суровая действительность оказалась менее прозаичной. Курган не только вышел из тюрьмы, но ещё сумел её найти.

Теперь Наталия понимала, что спокойной жизни пришёл конец, и крайне необходимо найти выход. Но какой? Она перебрала не один десяток вариантов, и успокоившись на том, что от Кургана можно будет откупиться деньгами, чуть успокоилась. Хотя... хотя... Она чувствовала, что тот не будет довольствоваться малым, и пока не оставит Наталию с пустыми карманами, на улице, не уйдёт. Слишком Курган был нахрапистым и свободолобивым. Тем более, что она обещала любить его до гроба. И на тебе, уже замужем, и первая любовь для неё закончится крышкой гроба обитой красным бархатом.

Неожиданно двери распахнулись и на пороге появился Максим. Он был вне себя от бешенства, и смотрел на Наталию глазами налитыми кровью. Хлопнув дверью, он взял стул, и громко стукнул им об пол уселся возле жены. Наталия словно пружина сжалась и замерла. Вместо улыбки у неё на лице застыл животный страх.

— Ну, что, вот тебе твой спорт. И работа. Сколько раз я тебе говорил брось это всё. Ну, что тебе не хватало? Есть дом, деньги, машина, живи и

радуйся. Так нет, будучи беременной, ты снималась в этом грёбанном сериале, и ещё ходила в спортзал.

Максим стукнул кулаком. Наталия собралась с духом, и как можно спокойнее ответила: не кричи на меня, пожалуйста. Врач сказал, что шанс есть, если лечь на сохранение. Я люблю тебя Максим, не убивай своей ненавистью. Неужели ты меня не любишь?

Она попыталась погладить его, но Максим вырвал свою руку, и сжал запястье Наталии.

— Вот почему ты такая упрямая? Не слушаешь меня никогда. При чём здесь любишь, не любишь. Мы лишились своего первенца. Неужели, ты это никак не поймёшь.

Он обхватил свою голову руками и зарыдал. Наталия впервые видела, чтобы Максим плакал. Зная, что лучше его сейчас не трогать, она сжав плотно губы молчала.

— Я не буду сниматься, обещаю, — прошептала она и проглотила слезу.

В её голосе слышалась горечь и обида на возникшие обстоятельства. Максим поднял голову и внимательно посмотрел в глаза жене.

— Наташа, к чему обманывать? Ты не бросишь сцену. Доктор сказал, что сохранить плод не получится. Он хотел тебя успокоить, и дал один шанс на миллион. Но мы же взрослые люди, и понимаем, что чудес на свете не бывает.

Поднявшись, он поставил стул на место и сказал: не переживай, я буду ждать когда закончится операция и никуда не уеду.

— Скажи, правду. Ты бросишь меня?

— Нет. С чего ты взяла?

Максим удивился, но актёр из него был никудышный, и Наталия, осознала, что как только она выйдет из больницы, он тут же подаст заявление на развод. У них был разговор на эту тему, и она знала, как для него важно иметь совместных детей.

— Спасибо за правду, — прошептала Наталия, и насупилась.

— Не переживай, умоляю тебя, врач сказал, что операция не сложная. Здесь каждый день проводят аборт. Я уже всё оплатил.

— Каждый день убивают детей! — рыдая на весь кабинет закричала женщина.

Максим понял, что в таком состоянии лучше не продолжать ни каких разговоров, по — этому молча вышел.

Операция прошла быстро. Наталия практически ничего не почувствовала. Ей сделали наркоз, и она впала в забытье. Ей приснился сон, что она гуляет по-зимнему Крещатику и держит сынишку за руку. Малыш весёлый, разговорчивый, лепит снежки, и бросает их в большого снеговика, с ведром на голове, и морковкой вместо носа.

Пробуждение было приятным для женщины, она всё еще продолжала сжимать тёплую руку сына, и видела блеск его глаз. Когда сознание полностью вернулось к Наталии, истерический крик оглушил весь третий этаж больницы: убийцы, убийцы, убийцы...

С недоверчивой миной на лице Сашка Курган прятался за спинами людей из массовки. Ему сказали, что здесь снимается известная актриса Наталия Северова, и он напросился на участие в массовых сценах. Парень долго не хотел брать непонятной наружности мужчину, в бардовом, не первой свежести костюме. Но когда тот сказал, что деньги ему не нужны, и он может забрать их себе, парень сразу впустил мужчину в павильон. Курган с глазами полными ненависти ждал Наташу. Он столько лет мечтал об этой встрече, что когда увидел афиши с её именем, не поверил своим глазам.

Это она, она, — потирая руки, повторял он, и прохожие видя странного человека, с физиономией Франкенштейна, обходили стороной. Свой отпечаток на лице Кургана оставила тюрьма. Точнее не отпечаток, а глубокие шрамы от острых заточек сокамерников, когда он отбывал срок в Житомирской тюрьме. Не найдя общий язык с блатными, Курган отстаивал свою правоту до последнего. И когда ночью ему исполосовали всё

лицо, он стойко и мужественно это перенёс. И после его никто не называл Курган. Только — Меченный. Такая кличка прикрепилась за ним вплоть до звонка. Он честно отмотал свой срок, но завязывать с криминалом не спешил. У него имелись кое какие планы на будущее, но по счастливому стечению обстоятельств, их испортила Наташка. Теперь он ей всё ломает. Растопчет её как букашку. Зато, что бросила, и ни разу за семь лет не написала письмо. Обида давно пустила крепкие корни в душе Кургана, и мужчина не думал их вырвать и выбросить, чтобы начать жизнь с чистого листа. Друзья отговаривали его в колонии от мести, но он был непоколебим.

— Бог ты мой, это она, — прошептал он, когда Наталия показалась на сцене. — Звезду из себя строишь? Забыла кто ты есть на самом деле. Ну ничего, я напомню, да так, что весь твой лоск, слетит как «с белых яблонь дым».

— Мужчина вы кому это говорите? — сказала дамочка стоявшая рядом с Курганом.

— Роль учу, не обращайтесь внимания, — как можно более вежливым тоном ответил Курган, и оскалился.

— Вы здесь снимаетесь? Что-то раньше я вас не видела.

Дамочка повернулась к Кургану, и хотела дальше выяснять, но тот оборвал её на полуслове.

— Женщине, я приехал с Урала, специально для съёмок фильма ужасов. Здесь жду, дабы время скоротать. Вам понятно?

Дамочка вздрогнула, и Курган увидел, как у неё от страха глаза полезли на лоб.

— Какой типаж, какой типаж, ну вылитый Фредди Крюгер, — пробубнила она, и пулей прошмыгнула на передний край массовки.

И тут Курган увидел, что Наташа заметила его, и заулыбался. Он ждал этого, и когда она свалилась на пол без чувств, принял это на свой счёт, не зная истинного положения вещей. Его хитрые глаза сузились в щёлки, и он облизнул сухие тонкие губы.

Народ в павильоне всполошился и бросился к Северной. Курган осторожно приблизился и выглядывая через женское плечо, ещё раз внимательно посмотрел на Наталию. Её бледное лицо стало ещё прекраснее, и Курган вспоминая годы бурной молодости вышел на воздух. Закуривая, он глазами проводил карету скорой помощи, и громко кашляя, словно у него был туберкулёз лёгких, отправился восвояси. Половину задуманного плана он уже выполнил. Наталия судя по всему женщина обеспеченная, значит и старого боевого товарища не бросит в беде. Курган неделю назад как освободился, и жил у приятеля на Оболони. Денег не было, и они вдвоём

промышляли на рынке. Выискивая словно полицейские ищейки зевак, чтобы вытащить кошелёк. Не всегда везение сопутствовало «джентльменам удачи», но Курган знал, что его звёздный час ещё придёт, и он сорвав огромный куш, сможет остаток своих дней жить не думая о «хлебе насущном». Четыреста относительно честных способа добычи денег Остапа Бендера канули в лету. Люди имея интернет и прочие навороченные штучки, держали ухо востро, и украсть, что-либо становилось с каждым разом труднее.

В строгом костюме женщина средних лет, с планшетом в руках поднималась по крутой лестнице на второй этаж. Это была Дина Викторовна домработница Максима. Поправляя изящные очки на маленьком носике, она ступала по мягкому персидскому ковру практически бесшумно. Стук её тонких пальчиков по двери заставил Наталию открыть глаза и посмотреть на часы. Они показывали девять утра. Прошло уже больше недели как её выписали, но она так и не смогла прийти в себя. Боль от потери ребёнка постоянно напоминала о себе. Иногда ей снились кошмары, и она вскакивая с кровати, металась по пустой комнате. Максим не приходил к ней уже три дня. Забирая её с больницы он первые дни был ласковым и нежным. Но после всё круто

изменилось. Это был совершенно другой человек. Алчный и расчётливый во всём, даже в мелочах. Раньше Наталия за ним такого не замечала.

— Вы уже не спите Наталия Ивановна, извините меня ради Бога.

Дина Викторовна улыбалась и ждала указаний. Её спокойствию мог позавидовать сам Владимир Ильич Ленин в мавзолее. Казалось, что ни какие тревоги и заботы её не касаются. Всегда утончённая, вежливая до неприличия. Наталия не раз пыталась с ней конфликтовать, но Дина Викторовна приводила такие аргументы в свою защиту, что Наталия опускала руки и бросала неудачную затею. Она прекрасно знала круг своих обязанностей, и никогда не переходила грань дозволенного. У Максима она работала лет пять, и он доверял ей, словно самому близкому и родному человеку. Наталия выглядела спокойной, и не моргая смотрела на Дину Викторовну.

— Если можно, принесите кофе. Что-то я сегодня через чур долго спала.

— Одну минуту, завтракать не желаете?

— Нет — нет, спасибо большое, чашку кофе.

Женщина удалилась и Наталия сладко потянулась. Эта ночь прошла спокойно, и она прекрасно отдохнула. Вчера звонил её агент и требовал выхода на съёмку. Наталия пообещала поговорить с Максимом и никак не решалась это

сделать. Открывая тяжёлые тёмно-синие шторы, она распахнула окно и свежий воздух слегка вскружил ей голову. Женщина сделала глубокий вдох и задержала дыхание. Во дворе копошился садовник подрезая её любимые розы. Заметив в окне хозяйку, он с почтением поклонился и снял фуражку. Наталия улыбнулась и в ответ низко поклонилась, слегка передразнивая садовника.

— Ваш кофе, — услышала она за спиной приятный голос. — Указания будут на сегодняшний день?

— Увы, Дина Викторовна, вы настолько хорошо делаете свою работу, что слава Богу, ничего не нужно. Благодаря вам, наш дом всегда чист, полон гостей, и в нём царит домашняя атмосфера. Спасибо вам большое.

Последние слова Наталия произнесла с явным благоговением в голосе, от души, и Дина Викторовна улыбнулась и наклонила набок голову.

— Что вы, это моя работа. Мне хорошо за всё платят, и ваш супруг очень внимателен, не только ко мне, но и к моей семье. В трудные времена он помогал моим детям, бескорыстно.

— Я знаю, знаю, Максим мне говорил. Кстати, вы не знаете где он?

— Почему не знаю? Он на собрании акционеров, в обед обещал вернуться домой.

— Можно вопрос личного характера.

— Пожалуйста, Наталия Ивановна, я постараюсь быть предельно откровенной.

— Скажите, как вы ко мне относитесь?

Возникла пауза, вопрос поставил на доли секунды Дину Викторовну в тупик, но она учитывая свой житейский опыт, быстро сориентировалась и без промедления ответила: хорошо отношусь.

— Правда?

Голос Наталии вздрогнул, ей стало приятно, что такая умная и сильная женщина на её стороне. Пусть хотя бы для вида, но всё равно.

— Вы прекрасная актриса Наталия Ивановна, моя семья всегда смотрит ваш сериал. И мне он тоже нравится.

— Скажите, Дина Викторовна, у Максима есть другая женщина? Не торопитесь с ответом, прошу вас. Я почему спрашиваю, не догадываетесь? Мой муж заметно охладел после того, как я слегла в больницу. Вы же знаете, что случилось?

— Знаю, и прекрасно вас как женщина понимаю. Но позвольте оставить ваш вопрос без ответа. Врать я не хочу, и не умею. Я мать, у меня растёт дочь, и я не хочу потерять работу. Простите. Сейчас страшное время, и я могу остаться на улице без копейки денег, с ребёнком на руках.

— Да — да, Дина Викторовна, это вы меня

простите, я совсем не подумала.

— Ничего страшного.

— Спасибо за кофе.

— Если я вам понадобится я внизу, Да, чуть не забыла. Ко мне на улице вечером подошёл незнакомый мужчина, довольно неприятной наружности, и представился вашим школьным другом. Просил ваш номер телефона, но я отказала. Тогда он написал коротенькую записку и просил вам передать.

В глазах Наталии промелькнуло любопытство перемешанное со страхом. Она уже догадалась кто этот школьный друг и что ему нужно. Это не ускользнуло от глаз проницательной Дины Викторовны.

— Я сейчас принесу записку, — сказала Дина Викторовна, и не дожидаясь ответа вышла за дверь.

— Вот и всё, — произнесла вслух Наталия. Это Курган, больше не кому.

За эти дни она совсем о нём забыла и не вспоминала. Ей казалось, что жизнь сама всё расставит по своим местам, и Курган не захочет неприятностей. Хотя таким людям как он глубоко плевать на всё и всех, лишь бы им было уютно и комфортно, а дальше хоть трава не расти. Когда записка оказалась в руках Наталии, она хотела её сразу выбросить. Не читая, сжечь. Однако в последний момент передумала. Это ничего не

решит. Надо прочитать. Корявым почерком на листочке был написан номер телефона и имя: Курган. Наталия принялась ходить по комнате в поисках решения этой проблемы. Однако его не существовало в природе. Надо звонить, другого выхода нет. Дрожащей рукой она взяла с полки телефон и набрала номер. Вместо гудков играла весёлая мелодия, и Наталия убрала телефон как можно дальше от уха.

— Слушаю.

Сухой мужской голос в трубке принадлежал Кургану. Наталия тяжело дышала, ей казалось, что крепкие руки Кургана вылезут из аппарата и схватят её за горло. Мёртвой хваткой. Набравшись сил, она выдавила, слабым голосом: что тебе нужно от меня?

Горечь и обида разъедала и без того хрупкое тело женщины. Наталия села на кровать и с волнением в груди ждала. В трубке нависла гнетущая тишина. Ответ Кургана был немногословным.

— Я на мели детка, мне нужны деньги.

— Сколько?

— Ну не знаю, чем больше тем лучше. Ты же знаешь, что я привык ни в чём себе не отказывать. Тем более после трудовой колонии, семи лет в застенках, мне хочется отдохнуть по полной программе. Я соскучился по женской ласке, заботе

и вниманию. Понимаешь меня?

— Сколько? — второй раз повторила Наталия уже более уверенным голосом.

— Тридцать тысяч долларов, и мы с тобой в расчёте.

— Ты с ума сошёл, у меня нет таких денег. И не где взять.

— Меня это не интересует девочка. Ты очень плохо со мной обошлась, и хоть это дело давно минувших лет, я не забыл твоих клятв в любви и верности. Быстро ты всё забыла.

Он замолчал и Наталия услышала, как он чиркнул зажигалкой и закурил.

— Где гарантия, что если я тебе, предположим, дам деньги, ты меня оставишь в покое.

— Какая гарантия? О чём ты? Ха — ха — ха, брось «Промокашка». Сейчас гарантию не даст даже «ПриватБанк» на выплату дивидендов. Деньги и точка. И без глупостей. Если ты полезешь к мусорам, меня никто не остановит. Я начну говорить, и тогда твоей карьере конец. При чём такой громкий, что услышат во всём мире. Газетчики, интернет, журналисты, тебя разорвут на части. Известная актриса — воровка! Я уже вижу первые полосы газет с таким названием и твоим фото. Два дня. Не больше. Ты соберёшь деньги и позвонишь по этому номеру. Я скажу время и место

куда их принести. И ещё раз предупреждаю, ты сама помнишь, в молодости ты наломала дров, и наверняка об этом сейчас жалеешь. Так вот, не повторяй ошибок, если хочешь остаться на плаву, дальше работать, и жить как королева. Вторая твоя глупость и ты окажешься на помойке. Куда тебя отнесёт твой муженёк и бросит на съедение крысам. Жду.

Он выключил телефон, но Наталия так и продолжала сидеть и сжимать телефон в руках, до тех пор, пока костяшки пальцев не стали белыми от напряжения. Швырнув телефон на кровать, Наталия бросилась на подушку и громко разрыдалась. Сейчас она реально понимала, что ждать помощи неоткуда. Её сбережения — это только одна треть необходимой суммы. Где взять остальные? Кредит в банке? Не выход, платить надо каждый месяц, по процентам, и если узнает Максим. Занять. Но у кого? Когда дело касалось денег, Наталия знала по своему опыту, кошельки друзей были — пустыми. Все как один клялись в вечной дружбе, и просили понять, что свободных денег нет. Всё в деле, либо в ценных бумагах. Это конец. Два дня. Два дня. Два дня. Наталия металась по комнате как загнанная в угол лань, и нервно кусала ногти. Кофе остыл и она попросила принести ей свежий. Когда чашка оказалась пустой, её осенила внезапная мысль.

— А если всё отрицать? В конце концов кто

ему поверит. Человеку с криминальным прошлым. С Курганом никто не захочет разговаривать, и прямых доказательств моей вины — нет. Таких дельцов сейчас пруд пруди, и все хотят получить на халяву денежки. Тоже вариант, — произнесла она вслух и заметно повеселела.

Сбросив пижаму и напевая мелодию «Океана Эльзы», «я не сдамся без боя», Наталия отправилась в ванную. Контрастный душ придал ей бодрости и сил. Обтираясь насухо полотенцем, она решила позвонить через два дня и послать Кургана к чёрту. Пусть знает своё место, негодяй. Одеваясь, тут же решила поехать к агенту и с ним поговорить об окончании съёмки. Спустившись в гараж она скривилась от запаха бензина и масла. Включая свет едва не умерла от страха. Вскрикнув от испуга, зажала рот рукой, чтобы не привлечь внимание обслуживающего персонала. На водительском сидении её драгоценной малышки лежала мёртвая кошка и листок бумаги. Наталия дрожащей рукой взяла и прочитала уже знакомый корявый почерк Кургана.

«Это ждёт тебя, если к положенному сроку ты не принесёшь мне деньги».

Наталия вернулась в свою комнату и закрыла дверь на ключ. Её колотила мелкая дрожь. Когда она увидела мёртвую кошку, ей по-настоящему стало жутко. И угрозы Кургана приобрели реальные

формы. Деньги. Где же их взять? Наталия уселась на мягкое кресло и поджала ноги. Мысли неслись со скоростью звука. Она перебирала десятки вариантов, но все они отскакивали словно горох от стенки.

«Не пойдёт. Не получится. Он не поверит...», — повторяла она, и снова искала выход. Кто-то тихо постучал. От неожиданности Наталия вскочила и на цыпочках подошла к двери. Ей показалось, что там прячется Курган, и если она её не откроет, он выбьёт дверь плечом. Стук повторился, но более настойчивый.

— Наталия Ивановна, у вас всё хорошо?

Это была Дина Викторовна, и Наталия закатив глаза, поблагодарила Бога, что это пришёл не Курган.

— Боже мой, что с вами? — У вас такое выражение лица, как будто вы столкнулись с призраком, — с участием в голосе сказала Дина Викторовна.

Наталия махнула, и сжимая руками виски разрыдалась. Ей стало на всё наплевать. Пусть, что хочет думает Дина Викторовна. Пусть...

— Наташенька, девочка что с вами?

Женщина присела рядышком с Наталией и обняла. Тело девушки сотрясалось от частых рыданий.

— Успокойся, успокойся, будет у вас с

Максимумом ребёнок. Не стоит из-за этого так мучиться.

Наталия подняла глаза полные слёз и прошептала: дело не в этом Дина Викторовна. У меня, у меня...

Она оборвалась на полуслове и задумалась. Стоит или нет говорить об этом.

— Что у тебя? Проблемы со здоровьем?

— Меня шантажируют, и я не знаю, что мне делать.

Дина Викторовна отстранила Наталию, и с открытым от испуга, перекошенным ртом спросила: кто?

— Понимаете, я в молодости связалась не с той компанией. Родители мои погибли и меня воспитывала бабушка.

— Я знаю, знаю.

— Тогда я смогла вовремя покончить со всем, и наладить свою жизнь. И вот не давно на съемочной площадке появился настоящий призрак из прошлого.

— Этот школьный друг?

— Да, да, вы правы. Он требует денег, иначе он свяжется с газетами, интернетом, и все узнают о моём прошлом. И тогда конец карьере, семье, всему, всему. Вы понимаете меня?

— Это всё ужасно, но не печалься. Может стоит сказать правду Максиму? Он этих

вымогателей в бараний рог скрутит.

— Что вы, если Максим узнает, он выгонит меня на улицу. Такого позора мне не пережить.

— Большая сумма выкупа?

— Тридцать тысяч долларов.

— Ничего себе, у них губа не дура.

— И эта сволочь каким-то образом ночью проникла в гараж, и положила мне на сиденье в машине мёртвую кошку. И записку. Вот она.

Наталия протянула Дине Викторовне скомканный листок, и пригорюнилась. Женщина пробежала глазами по записке и аккуратно сложила её.

— Он выполнит свои угрозы, — продолжила Наталия. — И если предположить, что я смогу найти деньги и заплатить, эта история с выкачкой из меня денег продлится до бесконечности. Может уехать? Но куда? Мне не хочется бросать актёрскую карьеру. Сейчас много предложений, и я на вершине успеха.

Дина Викторовна в задумчивости молчала.

— Я была совершенно одна, как маленький котёнок, и не понимала, что делаю. Мне хотелось веселиться, и я не задумывалась над последствиями. Считала себя самой умной, крутой, и на всех смотрела свысока. Ещё бы, у меня друзья держали в страхе весь район в Киеве, и никто мне не мог указывать как поступать. Час расплаты пришёл. Вы

простите меня Дина Викторовна, что я вам обо всём рассказала. Если честно, то у меня и настоящих друзей нет. Так, одни знакомые и приятели. С ними можно говорить о моде, спорте, тачках, домах, но не о своих ошибках молодости и проблемах.

— А если этого парня припугнуть? Может сработает? И он сбежит из Киева?

— Если бы так просто можно было решить. Нет, Дина Викторовна. Конечно у Кургана есть свои слабости, но он не отступит. Я уверена.

— Нужно с ним встретится и поговорить. Попросить отсрочку, сказать, что два дня слишком малый срок для того, чтобы собрать такое количество наличности.

Наталия покачала головой.

— Что это даст? — Ну пускай будет ещё несколько дней отсрочки, и что? И у меня Дина Викторовна нет близкого друга, которому я бы доверила пойти на встречу с Курганом.

Женщина поднялась и выпрямилась. На её лице промелькнула лукавая усмешка. Наталия смотрела на неё, как на спасительный плот, чувствуя, что не зря поведала о своих проблемах.

— Может, — хотела она задать вопрос, но Дина Викторовна перебила Наталию.

— Подождите, подождите, у меня кое, что есть. Я придумала. И смогу вам помочь. Сейчас, сейчас, и она наклонив голову долго объясняла, как

по её мнению необходимо поступить.

— Вы думаете, что у нас получится?

В глазах Наталии свернул спасительный лучик Надежды.

— Во всяком случае, есть шанс, и этот спасительный шанс, мы с вами попробуем реализовать.

Курган нервничал и не находил себе места. Слишком долго тянулись злополучные два дня. Поглядывая на часы, он стоял на балконе и курил. Вечерний Киев в рекламных огнях, производил впечатление — праздника. Шумные компании гуляли по улицам и наслаждались жизнью. Курган ненавидел зарвавшихся депутатов, олигархов и прочих более менее успешных людей. Он понимал, что если с Наталией ничего не получится, тогда можно заказывать деревянный бушлат. Игра в карты с приятелями принесла огромные долги. И если он не сможет вовремя вернуть деньги, тогда... Впрочем он и сам знал, что за его жизнь никто не даст ломаного гроша. Карточный долг — долг чести. Не он это придумал, и не ему менять правила игры. Курган закрипел зубами и выбросил окурочок. Яркий огонёк разрезал сумерки и упал на крышу машины. Двое парней подняли головы, чтобы найти нахального владельца сигаретного окурочка, и проучить, но Курган вернулся в комнату и закрыл дверь балкона.

В однокомнатной квартире дышать было не чем. От сигаретного дыма. Уже третий день шла игра в «секу», и народ менялся со скоростью курьерского поезда. Ванька Сивый ловко перебрасывал колоду карт из одной руки в другую. Он был настоящий карточный шулер, и никому не удавалось схватить его за руку во время игры, и поймать на горячем. Весь тюремный опыт Кургана был слишком мал, по сравнению с ловкостью рук и умением играть Сивого.

Трое человек сидели за журнальным столиком в центре комнаты, и жадными глазами смотрели на пухлые руки и пальцы Сивого. Тот подмигивал, щёлкал от удовольствия языком, и раздавал карты шутя, не переживая, что проиграет. Имея приличный денежный запас, подтрунивал над остальными, совершенно безбоязненно. Рядом с ним лежала стопка денег, и Сивый нет-нет, гладил её правой рукой.

— Это на фарт, везёт мне в последние дни. Эх, жизнь блатная, трудная, но интересная. Мама прислала триста гривен, не пропить, не прогулять, вам пацаны подарить.

Шрам на правой щеке Сивого, короткая стрижка, и густая щетина, делала его похожим на загадочного Мефистофеля. Крючковатый нос, алчный, пронзительный взгляд, из-под густых, чёрных бровей, мало кто мог выдержать.

Сивый балагурил и не мог остановится. Двое его соперников с суровыми каменными лицами молчали, и не хотели вступать в диалог. Этим отвлекающим манёврам Сивого, Игорь Корень, и Валера Шуруп, научились ещё на малолетке. И следили с замиранием сердца за ловкими руками Сивого.

— Слышь Курган, ты бы кофейку, сварганил. Что-то в горле пересохло. Не поленись брат, прошу тебя. Я сегодня в ударе, и не хочу прерывать процесс игры.

— Шнырям своим будешь давать указания Сивый. Пусть они для тебя варят кофе.

— Брат, ну это ты зря. Мы же из одной тарелки в своё время щи хлебали. Без обид. Ну хочешь, следующая партия твоя, и я дам отыграться. Как не крути, ты скоро станешь человеком состоятельным. При солидных бабках. И с нами даже разговаривать не захочешь.

Сивый снова прищёлкнул языком и оскалился.

— Возьми в долю брат, что тебе стоит. Мы твою бурёнку будем беречь «как зеницу око». Доить с таким постоянством, что она в нашем колхозе будет первая по сдаче в руки населения кисло — молочной продукции. А сколько корова даёт молока? Не выдоишь за день, устанет рука!

После удачной шутки Сивого народ стал громко ржать и издеваться над Курганом.

— Не мне тебя учить Сивый, негоже делить шкуру не убитого медведя, — сказал, как обрезал Курган.

— Зато моя идея с котом пришлась тебе по душе. Девочка небось уже складывает денежки в конвертик, и ждёт не дожждётся, чтобы тебе их вручить. На блюдечке, с голубой каёмочкой. Помнишь Остапа Бендера?

— Все бабы дуры, — сказал Шуруп, и быстро схватил свои карты. — Им бы только одним местом покрутить, да найти богатенького дяденьку. Потом устроить свою аппетитную попку, как можно лучше. Не верю я им, давно. Все они одним миром мазаны.

В дверь позвонили и Сивый резко вскочил. В его шальных глазах промелькнул испуг.

— Кто это может быть? — сказал он шёпотом. — Звонили один раз, значит чужие. Может кто-то из своих, забыл условный сигнал?

Он сгрёб широким жестом деньги со стола, затолкал их в карман куртки, и показал на дверь Шурупу.

— Глянь, только тихо.

Шуруп на цыпочках проскочил в коридор, и застыл возле двери. Второй звонок был более настойчивым. После того, как прекратили звонить, раздались глухие удары, от которых посыпалась штукатурка с потолка под ноги перепуганного